

В 1938 году в Московском театре сатиры, где я тогда работала, объявили, что Алексей Николаевич Толстой будет читать свою новую пьесу «Чертов мост». Назначенного дня ждали, как праздника. Все знали, что Толстой читает изумительно, надо только ничего из слышанного не пропустить — лучшей трактовки нито уже потом не сможет подсказать.

Мы сидели в комнате, где обычно происходили репетиции, и ждали прихода Алексея Николаевича. Вошел крупный человек с обаятельным лицом, с чистыми детско-озорными глазами, шумный, веселый, элегантно одетый, ладный, уютный, заговорил просто, что-то сострил и сразу снял то напряжение, которое было у присутствующих в ожидании большого писателя. Как-то по-домашнему он стал раскладывать свою рукопись, удобно устроился в кресле и начал читать. Мы, затаив дыхание, слушали, и только взрывы хохота прерывали

министра, главу концерна тяжелой промышленности, гангстеров с их главарем Руди и рабочих.

На репетициях и после них Алексей Николаевич делал актерам замечания по каждому персонажу и по спектаклю в целом. Он требовал, чтобы мы осознали политическое звучание не только всего спектакля, но и каждой роли в отдельности. Он также говорил, что самое страшное в театре — дискредитация актера, осуждал режиссеров, которые иногда доводят актера до полной потери веры в себя.

«Это ужасно, — говорил он, — актер никогда уже не сможет сыграть так, как мог бы это сделать в благожелательной атмосфере. Вам повезло. Виктор Яковлевич Станицын прекрасно работает, терпеливо и умно отбирает лучшее, что вы приносите на репетицию. С каким уважением он относится к вашему дарованию! Это чудесное качество педагога и

сделанной из лакированной черной кожи, Толстой одобрил. Я, довольная, уже уходила со сцены, когда услышала обращенные ко мне слова: «Зизи, повернись-ка! Ну что это за пошлятину вы воткнули в уши? Людмила, дай-ка ей свои серьги. Это подойдет к ее костюму». И молодая, красивая Людмила Ильинична, которая почти всегда приезжала вместе с Алексеем Николаевичем на репетиции, сняла с себя серьги и передала мне. Я поблагодарила и сказала, что постараюсь заказать точную копию, естественно, бутафорскую.

Толстой придирался к каждой мелочи, но и радовался как ребенок каждой удачной находке. Объясняя роль актеру, игравшему маркиза Дамьяка (он же гангстер Руди), Алексей Николаевич прочел монолог с таким смаком, с таким точным видением того, о чем он говорит, что художник нашего театра тут же набросал несколько рисунков из родословной

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

тишину. Мне казалось, что он сам получал удовольствие от чтения, так как каждый раз, когда раздавался смех, он смотрел на нас поверх очков, прищуривал один глаз и, довольный, похмыкивал.

Еще до встречи с автором мне сказали, что я буду играть роль Зизи — жены депутата парламента, и поэтому во время чтения я особенно следила за каждым словом, за каждой интонацией Алексея Николаевича.

После прочтения, когда умолкли аплодисменты, Толстой, обращаясь к режиссерам Н. Горчакову и В. Станицыну, сказал: «Ну, вот, даю вам свою пьесу на растерзание — постарайтесь сделать лучше, чем я читал». Все понимали, что лучше сделать было невозможно. «Чертов мост» — острый антифашистский памфлет, по определению автора, — сатира-буфф — для постановки был очень труден.

Замысел пьесы возник у Алексея Николаевича, когда он был в Германии, Испании и других странах в 1936—1937 гг.; он уже тогда ощутил, что такое фашизм и какая страшная опасность грядет для мира. «Это была первая попытка автора осуществить антифашистскую пьесу, направленную без околичностей в лоб по врагу», — писал сам Толстой уже после премьеры.

Алексей Николаевич часто приезжал на репетиции, делал свои замечания.

С большим волнением я репетировала роль Зизи. Мое первое появление было в самом начале пьесы. Это сцена в баре около бензоколонки. Два бандита из шайки некоего Руди овладели бензоколонкой и баром, убив хозяина. Чтобы успешнее работал бар, они разбросали на шоссе колюшки. Проезжавшие мимо автомашины прокалывали шины, владельцы их останавливались для ремонта у бензоколонки и в ожидании починки заходили в бар.

Здесь автор и сталкивает почти всех действующих лиц пьесы — Артура Зелкина, депутата парламента от рабочей партии, и его жену Зизи, юную королеву Агнию и ее жениха принца Рейнского, Фому Хунсблата, премьер-

режиссера. Я удивляюсь, как он справляется с вашей буйной фантазией и необузданным юмором. А в этом спектакле необходимо зрителя во многом убедить и заставить над многим задуматься».

Толстой вскрывал подтекст каждой фразы, каждого слова; становилось все понятно, и

Клавдия ПУГАЧЕВА, заслуженная артистка РСФСР

политическая направленность роли звучала особенно ясно.

«Вы поймите, — говорил мне Алексей Николаевич, — вы жена лидера парламентской оппозиции — «социалистического барона» — человека с самыми демократическими усами в государстве. Вы авантюристка, презирающая своего трусливого мужа, презирающая его заигрывания с рабочими, его пресмыкательство перед Хунсблатом. Встретив Руди, вы становитесь его любовницей. Положение ваше противоречиво. В вашей Зизи борются женская страсть к Руди, желание его удачи, которая зависит от свадьбы с королевой, и ревность к сопернице: сочувствие готовящемуся перевороту и боязнь катастрофы, которая погребет вашего трусливого мужа, лишит всех сбережений. В конце пьесы Зизи бежит одна в самолете за границу, прихватив все семейные капиталы. Ее муж находит более скромное убежище — в багажнике автомобиля английского посла».

Я записала эти слова Алексея Николаевича в своей роли, они дали мне возможность глубже проанализировать и понять психологию и характер этой женщины.

На одной из последних перед премьерой репетиций Алексей Николаевич просматривал костюмы. Когда я вышла на сцену, одетая в леопардовое платье с игривой шляпочкой,

Амедея Дамьяка. Один из рисунков выражал точный текст: «Это люди сумасшедшей силы... Бродяги, рыцари, которые одним духом выпивали боцонку пива, съедали барана и платили трактирщику доброй затрепичной...». Другой рисунок был подписан словами тоже из монолога Руди: «Рыкебородые бандиты, сидевшие, как коршуны, в своих замках вместе с борзыми псами и пленными турчанками...».

Образное мышление Толстого давало огромную пищу не только актеру, но и художнику, музыканту, а главное, режиссерам.

Премьера в Московском театре сатиры состоялась 9 марта 1939 года. Она прошла с успехом, а мою большую удачу в роли Зизи я целиком отношу за счет чтения пьесы самим Алексеем Николаевичем. Я сразу увидела эту женщину, поняла ее характер и даже манеру разговаривать с людьми. Алексей Николаевич потом часто спрашивал шутя: «Слушай, Клавдия, — произнось слово Клавдия, он делал ударение на последнем слоге, — открой секрет, как ты дошла до того, чтобы так здорово и точно произносить по-английски «шатап» (заткнись)?» Я неизменно отвечала: не я дошла, а вы сами его произносили так во время чтения.

Я бережно храню подаренную Алексеем Николаевичем фотокопию известного портрета работы П. Корина, на которой рукой писателя написано: «Клавдия, обожаемая актриса, люблю твой талант и даю клятвенное обещание в этот год написать комедию для тебя. Алексей Толстой, 26 февраля 1944 г.».

...И все-таки играя «Чертов мост» и произнося слово «фашизм», мы еще не понимали всей глубины и трагедии этого страшного явления. Только в Великую Отечественную войну по-настоящему оценили все то, что было предугадано Толстым. Слова из пьесы: «Будет война... О, какая будет война! Большая, истребительная, беспощадная...» зазвучали для нас совсем в новом качестве.

К великому горю, Алексей Николаевич не дожидая Победы, в которую верил, для которой он столько сделал.